

Таким образом, на территории современного Витебского района были сожжены $162+290+11+25+131+4+10=633$ населенных пунктов. Отметим, что эта цифра не окончательна и при выявлении иных архивных источников, в которых указываются деревни, сожженные в годы войны, может вырасти.

Однако для составления окончательного списка уничтоженных в годы войны деревень, на наш взгляд остается ряд проблемных вопросов, которые следует обсудить с привлечением экспертов.

Предложения для обсуждения:

- На основании каких документов составлялись списки в НАРБ для размещения на сайте «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 годы»?
- По какому принципу следует включать в число уничтоженных деревень населенные пункты? В АБД «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 годы» упоминаются деревни, в которых дома сожжены не были: Александрово, Бодревщина, Кукшино, Любашково Суражского района.
- Как при составлении сводного списка по району учитывать сведения о населенных пунктах, упоминаемые в «Списке ликвидированных, уничтоженных деревень...», если о них отсутствуют данные в НАРБе (если нет сведений о времени уничтожения и количестве сожженных домов и убитых людей)?
- Как учитывать и оформлять сведения, полученные от местных жителей на местах (краеведов, старожилов, родственников свидетелей и др.)?
- Часто в разных архивных документах указывается разное число сожженных дворов и убитого населения одной и той же деревни. Какие сведения учитывать и включать как окончательные?
- Как быть, когда имеются документы, а также устные свидетельства местных жителей, которые свидетельствуют о том, что некоторые деревни, которые указаны на сайте «Белорусские деревни уничтоженные или сожженные в годы Великой Отечественной войны» сожжены не были. Как их учитывать и кому верить?
- Как можно законодательно утвердить уточненное число уничтоженных деревень Витебского района? НАРБ? Институт истории НАН? ВГУ? Решение Райисполкома?
- При составлении списков уничтоженных деревень на местах обязательно привлекать местных краеведов для уточнения информации.

1. ГАВО. – Ф. 571. Оп. 4. Д. 185. Л. 35–44.
2. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 15. Д. 374. Т. 1 и 2, 1969 г.
3. Богушевский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old&region=&district=65&year=>. – Дата доступа: 03.01. 2023.
4. Витебский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old&region=&district=7&year=>. – Дата доступа: 29.09. 2022 г.
5. Лиозненский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old&region=&district=23&year=>. – Дата доступа: 3.01. 2023 г.
6. Суражский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old&region=&district=42&year=>. – Дата доступа: 29.09. 2022 г.
7. Памяць: Віцебскі раён: Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў. – Мінск : Маст. літ., 2004. – С. 227–228.
8. Сапунов, А. П. Список населенных мест Витебской губернии / А. П. Сапунов. – Витебск, 1906. – 450 с.
9. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944 : документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменова [и др.]. – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – С. 38–39.

Тарасенкова Т.И.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ, 1941–1943 ГГ.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Смоленской области проживало большое количество гражданского населения. Его численность достигала 1 850 000 человек [6, с. 193]. Мирным жителям пришлось столкнуться с многочисленными страданиями и тяготами военного времени: насилием, разрушением жилья, потерей имущества, голодом, принудительными работами, непосильными требованиями оккупационных властей.

К сожалению, в послевоенные десятилетия данная проблематика не становилась объектом исследования. Внимание историков было сосредоточено на описании боевых действия на территории

области в период оккупации и в ходе освобождения. Изучалась история партизанского движения. Только в 2000-е гг. наряду с традиционной тематикой появились исследования, в составе которых были разделы о жизни мирного населения области в период оккупации [6].

Документальные публикации о периоде оккупации Смоленской области охватывали такую же проблематику, что и научные издания: действия Красной армии на территории области, деятельность партизанских отрядов. Злодеяниям немецко-фашистских захватчиков в них посвящены небольшие разделы.

Значительный вклад в изучение проблемы насилия в отношении мирного населения на оккупированной территории, внесла реализация федерального проекта «Без срока давности». В ходе реализации проекта в фондах Государственного архива новейшей истории Смоленской области выявлялись документы, объединенные единой тематикой, но различные по видовому составу: докладные записки и отчеты руководителей райкомов ВКП(б) и райисполкомов, донесения, справки, сводки командиров партизанских формирований, акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. Немногочисленной, но ценной разновидностью документов стали документы личного происхождения. Они представлены воспоминаниями партизан, дневниковыми записями, беседами командиров партизанских отрядов с представителями Комиссии по истории Великой Отечественной войны, созданной при Академии наук СССР.

Комиссар партизанской бригады им. Ворошилова, секретарь Батурицкого подпольного райкома ВКП(б) С.И. Куксенков вел дневник в течение всего времени пребывания в бригаде – с момента начала войны 22 июня 1941 г. до полного освобождения Батурицкого района 18 марта 1943 г. Ежедневно он записывал наиболее важные события боевой деятельности партизан, их столкновения с врагом и, находясь в центре партизанской борьбы, не мог остаться равнодушным свидетелем насилия, которое творилось нацистами в отношении местного населения.

Семен Илларионович немногословен в описании фактов злодеяний, но по этим описаниям можно проследить, как изменялись границы его восприятия трагической действительности: от фиксации преступлений по отъему имущества и граждан, до сообщений сначала о единичных фактах убийств, а затем об уничтожении целых населенных пунктов и угоне мирных жителей в неволю. Осознание жестокой реальности войны, готовности врага массово уничтожать мирных жителей происходило постепенно.

Уже 17 июля 1941 г. С.И. Куксенков сделал запись о том, что «немцы заняли Мало-Фоменковский и Фрольцевский сельсоветы, грабят население, убивают животных и птицу» [4, л. 9]. Первой жертвой в тот же день стал секретарь Фрольцевского сельсовета: «Тов. Зайцев был убит немцами в здании сельсовета при несении службы, захваченный врасплох. Его прикрыли грязной рогожей и не разрешают хоронить...» [4, л. 9].

В конце сентября 1941 г. он отмечал, что многие крестьяне из прифронтовых колхозов пытаются уехать в тыл страны, потому что боятся насилия и зверств от наступающего врага. Из рассказов беженцев, а также разведчиков было известно о жестоком отношении к молодым женщинам, убийствах сельских активистов и руководителей, разграблении колхозного и личного имущества [4, л. 19]. Однако словосочетание «многие крестьяне» требует пояснения, так как подавляющее большинство сельских жителей, по данным исследователей, осталось проживать на оккупированной территории – около 80% населения [5, с. 33].

В течение 1942 г. Семен Илларионович неоднократно описывал военное противостояние партизан и оккупантов, закономерным результатом которого становилось ужесточение карательных акций против мирного населения: сожжение деревень, угон жителей, казни.

21 июня 1942 г. партизанская бригада им. Ворошилова вступила в бой с немецким карательным отрядом у деревень Ивановичи и Панаскино Батурицкого района. Накануне д. Ивановичи была полностью уничтожена карателями, расстреляно 66 жителей деревни. Командование бригады обратилось с письмом к гражданам Батурицкого района, в котором рассказало об уничтожении деревни и призвало «усиленнее оказывать сопротивление немцам» [4, л. 45]. На следующий день – 22 июня 1942 г. – карательный отряд прекратил атаки против партизан и отошел в с. Пречистое в соседнем районе.

Партизаны пытались защищать сельских жителей. Например, 18 июля в Марковском и Климовских лесах они убили «одинадцать немцев, оставшихся поджигать с. Львово и д. Красницу», 19 июля отбили у немецкого конвоя колонну женщин, угонявшихся из деревень в г. Ярцево [4, л. 51].

Стремление немцев расправиться с партизанами приводило к увеличению числа и размаха карательных акций. В дневниковых записях за вторую половину 1942 г. С.И. Куксенков все чаще фиксирует факты злодеяний. 7 августа 1942 г. немцы сожгли деревню Калыгино, отступая из нее после боя с партизанами [4, л. 57]. 20 декабря 1942 г. немецкий отряд расправился с жителями деревни Пакитино: «Какие жертвы, пока не подсчитано, – писал С.И. Куксенков, – предполагается, что убито и растерзано 50-60 человек женщин, детей и стариков. Мы срочно выслали отряды, чтобы не допустить немцев в соседние деревни и спасти население от неминуемой гибели» [4, л. 86].

В дневнике С.И. Куксенкова указана важная тенденция, известная из других документов военного времени: уничтожение оккупантами, в первую очередь, наиболее активных граждан, коммунистов, комсомольцев, и тех, кто до оккупации занимал ответственные должности в партийном, советском, хозяйственном аппаратах [4, л. 34].

В воспоминаниях разведчицы партизанского полка имени 24 годовщины РККА, действовавшего на территории Ельнинского района Смоленской области, З.Д. Коняшкиной, написанных в 1943 г., основная часть текста посвящена описанию тяжелого материального положения местного населения. Автор также отмечает особую жестокость нацистов по отношению к жителям, оказывавшим любую помощь партизанам. Если в деревне у кого-нибудь побывали партизаны, и об этом стало известно людям, сотрудничавшим с оккупантами, то в деревню приезжали немцы, выгоняли население на улицу, деревню сжигали, а хозяев дома, приютивших партизан, расстреливали [1, л. 18]. В этих строках затрагивается очень сложная проблема – коллаборационизма. Если информацию о гибели немецких солдат скрыть от оккупационных властей было невозможно, то о посещении деревни партизанами они могли узнавать в большинстве случаев только от самих жителей, старост, или тех, кто служил в полиции.

Поводом для расстрела мирных жителей часто становилось любое незначительное действие, считавшееся оккупационной властью опасным: поднять советскую листовку, отправиться из одной деревни в другую без разрешения, не выполнить распоряжение о сдаче продуктов или имущества, – все это являлось основанием для расправы [1, л. 18–21].

Осуществление физического насилия в отношении местного населения дополнялось созданием невероятно тяжелых условий повседневной жизни, о которых рассказывает З.Д. Коняшкина [1, л. 18].

Значительный вклад в собирание информации о Великой Отечественной войне внесла Комиссия по истории Великой Отечественной войны, созданная при Академии наук СССР. Ее представители беседовали с командованием партизанских отрядов области. Особенность таких воспоминаний в том, что инициатива их составления не принадлежала авторам. Цель их создания заключается не столько в осмыслении или обнародовании материала, сколько в собирании и сохранении информации о войне. Важно, что между происходящими событиями и их описанием существовал минимальный временной разрыв, поэтому в памяти опрашиваемых они сохранялись наиболее достоверными.

В мае 1942 г. состоялась беседа с командиром отряда Слободского района М.Н. Шульцем, секретарем Слободского подпольного райкома ВКП(б). Он рассказывал о разрушении Слободы уже после первого боя в июле 1941 г., о различиях в поведении военнослужащих передовых и тыловых немецких частей: «Когда шли передовые немецкие части, то особого зверства и мародерства не было. Только что они делали? Когда они вступали в деревню, они прежде всего раскрывали магазины, брали, что им нужно, а населению говорили: берите, а то большевики вам не давали... Когда проходили передовые ударные части, шли тыловые, тут уже начинались грабеж, мародерство, издевательство над населением» [2, л. 33].

В стенограмме беседы описана расправа нацистов с жильцами Демидовского дома инвалидов. Около 75 инвалидов, проживавших в нем, остались после оккупации района без продуктов питания. «Один или два инвалида пошли в немецкий штаб с просьбой или жалобой, что есть нечего. "Хорошо, говорят, мы вас накормим". На завтра пришли, взяли всех этих инвалидов, яму вырыли и в эту яму всех живьем закопали» [2, л. 34].

Так же, как и С.И. Куксенков, М.Н. Шульц рассказывает о сожжении деревень, расстрелах советских активистов: «Немцы за то, что отдельные лица помогали партизанам, сожгли деревню Булижу – 44 дома. В Веселом Бору сожгли 38 дворов. В отдельных деревнях также порасстреляли отдельных активистов, сожгли их дома за связь с партизанами» [2, л. 56].

Командир группы в партизанском отряде М.Н. Шульца, секретарь Понизовского подпольного райкома ВКП(б) М.Ф. Еремеев в июле 1942 г. тоже, предположительно, беседовал с представителем Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В его рассказе описаны факты расправы над жителями населенных пунктов района: «В Понизовье в первые дни было повешено из населения 32 человека. Устроена была виселица около больницы... Вешали совершенно безвинных людей» [3, л. 7]. В деревне Колышки было уничтожено все еврейское население, включая детей [3, л. 10]. Особое внимание М.Ф. Еремеев обращал на исполнителей казней – это были полицейские из числа местных жителей, действовавшие под руководством немцев.

Документы личного происхождения, рассказывающие о насилии в отношении мирного населения в период оккупации Смоленской области 1941–1943 гг., очень ярко показывают глубину и масштаб трагедии, с которой столкнулось мирное население. Политика насилия, создание невыносимых условий жизни, проведение карательных операций, угон на принудительные работы, – все это привело к значительному увеличению людских потерь. Эта сложная тема, оставаясь долгое время в тени других, не менее важных исследований, требует более глубокого изучения.

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1304.

2. ГАНИСО. – Ф. 1624. Оп. 1. Д. 1.

3. ГАНИСО. – Ф. 1701. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАНИСО. – Ф. 1886. Оп. 1. Д. 6.
5. Комаров, Д. Е. Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) / Д. Е. Комаров // Приволжский научный вестник. – 2012. – № 10. – С. 32–41.
6. Комаров, Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа / Д. Е. Комаров. – Смоленск : Свиток, 2015. – 368 с.

Крыварот А.А.

**БАЯВАЯ САДРУЖНАСЦЬ САВЕЦКІХ ПАРТЫЗАН БЕЛАРУСІ І УКРАЇНЫ:
ДАКУМЕНТЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ СВЕДЧАЦЬ**

Звесткі пра арганізацыйнае і баявое ўзаемадзеянне беларускіх і ўкраінскіх партызан у гады Вялікай Айчыннай вайны знайшлі пэўнае адлюстраванне ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Асноўны масіў такіх дакументаў знаходзіцца ў справах фондаў № 4п вопіс 33а (дакладныя, справаздачы, спецпаведамленні і лісты партыйных, камсамольскіх, савецкіх работнікаў, кіраўнікоў партызанскіх атрадаў і груп) і № 1450 вопіс 4 (матэрыялы па баявой дзейнасці брыгад і атрадаў). Інфармацыя ў сваёй большасці храналагічна ахоплівае перыяд з лета 1942 да восені 1943 г. і ў геаграфічным плане тэрыторыю Гомельскай, Палескай, Магілёўскай, Мінскай, Пінскай, а таксама часткова Арлоўскай (РСФСР) абласцей. Пры гэтым у некалькіх дакументах асвятляюцца кантакты савецкіх партызан суседніх рэспублік, якія мелі месца восенню – зімой 1941 г. як на тэрыторыі Беларусі, так і Украіны.

Адна з першых інфармацый аб садружнасці партызан Беларусі і Украіны датычыцца ўваходжання беларусаў-выпускнікоў Вучэбна-аператыўнага цэнтра Заходняга фронту, які знаходзіўся ў пасёлку Белья Берагі Арлоўскай вобласці, у склад Пуціўльскага атрада Сумскай вобласці пад камандаваннем С.А. Каўпака. У архіўных дакументах зафіксавана, што ў пачатку верасня 1941 г. выпускнікі колькасцю 104 чалавек прыбылі ў Пуціўльскі раён Сумскай вобласці для пераходу лініі фронту. Большасць з іх улілася ў шэрагі Чырвонай арміі і разам з яе часцямі адступала на ўсход, частка дэзерціравала. Група колькасцю 7 чалавек: В.М. Астроўскі (былы фінансавы работнік Столінскага раёна), Р.Д. Кравец (ураджэнец Пінска), М.М. Курс (былы дырэктар школы ў Рэчыцкім раёне), Я.Л. Рахлін, А.Д. Фрэйдман, В.В. Церахаў, Г.А. Юхнавец (былы інструктар Баранавіцкага абкама КП(б)Б) з 9 верасня 1941 г. стала дзейнічаць у Пуціўльскім атрадзе. У архіўных матэрыялах адзначана, што члены групы ўнеслі значны ўклад у станаўленне атрада і разгортванне баявой дзейнасці. Так, М.М. Курс стаў першым начальнікам штаба атрада. Члены групы атрымалі ў Вучэбна-аператыўным цэнтры добрую дыверсійную падрыхтоўку і ўдзельнічалі ў многіх аперацыях. Групу мінёраў спачатку ўзначаліў М.М. Курс, а потым Г.А. Юхнавец. На баявым рахунку групы з 10 верасня 1941 г. да 1 мая 1942 г. 21 знішчана машына з акупантамі і грузамі, чатыры падбітыя танкі, адзін паравоз, 14 вагонаў і тры платформы, шэсць разбураных чыгуначных і восем грунтовых мастоў. За праяўлены гераізм члены групы былі адзначаны высокімі ўзнагародамі: М.М. Курс і Г.А. Юхнавец – ордэнам Леніна, В.В. Церахаў – ордэнам Чырвонага Сцяга. У адным з дакументаў змешчана справаздача аб баявой дзейнасці групы, датаваная 31.01. 1943 г. [6, л. 276, 319–320; 7, л. 124–125].

Пра кантакты беларускіх атрадаў і ўкраінскіх патрыятычных груп восенню 1941 г. у Жытомірскай вобласці ёсць нешматлікія звесткі ў адным з дакументаў фонда 4п, воп. 33а. У справаздачы ідзе гаворка аб двух нападах на паліцэйскія ўчасткі. У першым выпадку быў налёт Лельчыцкага атрада на апорны пункт у вёсцы Войкевічы Алеўскага раёна. У другім выпадку 3 кастрычніка 1941 г. Лельчыцкім атрадам і групай Тураўскага раёна быў нанесены ўдар па акупантах у вёсцы Копішча ў тым жа раёне. Падчас бою было знішчана 25 акупантаў [4, л. 66].

На жаль, у фондах НАРБ да гэтага часу яшчэ не выяўлены дакументы, якія б сведчылі аб знаходжанні на тэрыторыі Нараўлянскага і Ельскага раёнаў Палескай вобласці першых украінскіх партызанскіх атрадаў – Корастаньскага (камандзір Дз.І. Марцінкоўскі) і Славечанскага (камандзір Т.Л. Грышын). Інфармацыя аб іх дзейнасці ўтрымліваецца ў архіве Жытомірскай вобласці [1, с. 351, 479].

У справах некалькіх фондаў НАРБ змешчаны дакументы са звесткамі аб дзейнасці на тэрыторыі Гомельскай, Магілёўскай, Палескай і Арлоўскай абласцей з мая 1942 да восені 1943 г. Чарнігаўскага атрада (з 28 ліпеня 1942 г. – злучэння атрадаў) пад камандаваннем А.Ф. Фёдарова, якія раскрываюць узаемаадносіны гэтага фарміравання з беларускімі партызанамі. Да чэрвеня 1943 г. злучэнне называлася Чарнігаўскім, а затым Чарнігаўска-Валынскім [19, с. 463]. У адным з такіх дакументах ёсць інфармацыя аб чатырох дыверсіях груп Чарнігаўскага атрада ў канцы мая 1942 г. на камунікацыях вакол Гомельскага транспартнага вузла, найперш на чыгуначнай лініі Гомель – Навазыбкаў. Свае аперацыі ўкраінскія партызаны праводзілі ўзгоднена з беларускімі падраздзяленнямі, якія ў той час аперыравалі ў асноўным на шашэйных дарогах. Падчас удару 26 мая 1942 г. група Чарнігаўскага атрада правяла буйную дыверсію паміж станцыямі Закапыцце – Добруш і пусціла пад адхон эшалон у складзе двух паравозаў, 48 вагонаў і цыстэрн з палівам і запаснымі часткамі для самалётаў. У гэты